

оставил горы, замок и все окружающие предметы в глубочайшей мрачности».²⁵

Отзвуки этой пейзажной символики мы находим и в «Острове Борнгольме»: «Алая заря не угасла еще на светлом небе; розовый свет ее сыпался на белые граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка. ... Я удвоил шаги свои и скоро приблизился к большому готическому зданию, окруженному глубоким рвом и высокою стеною. Везде царствовала тишина; вдали шумело море; последний луч вечернего света угасал на медных шпицах башен» (I, 666).

С замком вводится характерный мотив предчувствия и предвещения. Мотив этот настолько широко распространен в «готической» литературе, что мы можем с полным правом считать его типичным. Его вариантом, условно говоря, «опосредствованным» предсказанием оказываются недобрые приметы или грозные или загадочные явления природы, которые сопровождают путешественников при подходе к замку. В этом качестве иногда выступает гроза (ср. «Сицилийский роман», «Лес, или Сент-Клерское аббатство» Радклиф), иногда даже — сверхъестественные события; однако чаще всего этот мотив вводится «голосом молвы», суеверными рассказами окрестных жителей. Это потенциальное присутствие сверхъестественного элемента чрезвычайно важно для «готического» романа.

В первой части «Леса» А. Радклиф ломается карета, и путешественники вынуждены вернуться к руинам аббатства, наводящего на них суеверный страх. При входе в замок их останавливает необычный шум. «Сердце мое предчувствует, — говорит госпожа Ла-Мотт, — что с нами случится какое-нибудь несчастье». Далее сообщаются странные слухи; по словам местных жителей, «вот уже пятнадцать лет, как никакой поселянин не смеет приближаться к аббатству», где творится нечто страшное. Вообще мотив этот очень устойчив. Любопытно, что зловещая таинственность, которой окружен самый въезд путешественника в замок, тоже одно из общих мест в произведениях «готического» жанра. Но едва ли не самое характерное — интерьер со следами разрушения и запустения; описания такого рода сам Карамзин прочно ассоциировал с Радклиф. «Госпожа Радклиф, — писал он в 1803 г., — могла бы воспользоваться сим дворцом (в Тайнинском, — В. В.) и сочинить на него ужасный роман; тут все нужное для ее мастерства: пустые залы, коридоры, высокие лестницы, остатки богатых украшений, и (что

²⁵ А. Радклиф. Таинства Удольфские..., ч. II. М., 1802, стр. 146.